

Эльф

Автор:

Леонид Волчек

Эльф

Леонид Евгеньевич Волчек

Арс, юный аулерк, никак не ожидал, что его участие в восстании галла Верцингеторикса против Цезаря и Римской республики потянет за собой шлейф бурных событий. Книга изобилует историческими фактами и будет интересна не только ценителям фантастики, но и любителям истории.

Леонид Волчек

Эльф

1

– Па, расскажи нам сказку.

– О чём?

– Не знаю.

Арсений приподнялся на локте, а Евгений растянул рот в улыбке, не отрывая головы от подушки. Оба прекрасно знали, что мой вопрос был косвенным

согласием и сказки им не избежать. Почему они любили мои сказки, которые получались у меня слишком заумными и может быть даже немножко нудными, я так до сих пор и не понял. Ну, да ладно. Сказку так сказку.

– Так всё-таки о чём? – спросил я, хотя для себя уже давно решил, о чем будет рассказ. – Решайте, пока я добрый.

– Расскажи о путешествиях, – Арсений уже сидел на постели, закутавшись в одеяло, – о приключениях.

– Вообще-то, любая сказка повествует о приключениях.

– О путешествиях и приключениях во времени, – Арсений был явно доволен своей выдумкой, а немногословный Женька заулыбался ещё шире в знак согласия со старшим братом.

– Вы сами каждый день путешествуете во времени, – я решил поумничать и заодно набить себе цену. – Вы заснёте сегодня, а через мгновение проснётесь завтра утром. Если приснится сон, то путешествие во времени пройдёт с приключениями.

– Ну, па! – Арся явно горел нетерпением.

– Ладно, ладно, так и быть...

Пятидесятитысячная галльская армия разместилась в Алезии. Всего несколько месяцев назад Верцингеторикс нанёс поражение войскам Цезаря в битве при Герговии и чувствовал себя хозяином положения до тех пор, пока Цезарь и Тит Лабие не заперли его войско в крепости двойным кольцом укреплений. Для Юлия Цезаря поражение при Герговии стало не только самой крупной неудачей в его жизни, но и бесценным опытом. Римляне сделали всё, чтобы не допустить снова такой оплошности. Они соорудили вокруг осаждённой Алезии две линии обороны. Необходимость создания двойной обороны диктовалась тем, что войска Цезаря вели бои глубоко на территории противника. Одна линия защищала римские войска от вылазок галлов из осаждённой крепости, а вторая была сооружена на случай, если к тем, кто находится в осаде, придёт помощь. Римские войска в этом случае сами попадут в окружение.

Именно на случай окружения, каждая из оборонительных линий римлян была обнесена частоколом в четыре метра высотой и окружена глубокими рвами. Такие оборонительные укрепления оказались галлам не по зубам. В итоге, собственный город стал для Верцингеторикса и его соратников ловушкой. Когда в Алезии начался голод, а отчаяние галлов дошло до предела, случилось чудо: на помощь войскам Верцингеторикса пришла объединённая армия галльских племён во главе с Коммием, насчитывавшая никак не меньше двухсот тысяч человек. Римское войско, как и предчувствовал Цезарь, оказалось зажатым в двойное кольцо, словно в тиски, но от этого не стало менее грозным. Галлы, в свою очередь, были исполнены решимости уничтожить вторгшихся в их земли римлян. Каждый из галльских воинов, как в городе, так и с внешней стороны римских укреплений, понимал, что если не прорвать оборону врага, они проиграют войну и восстание против Римской республики будет подавлено. Но на два последующих дня, не смотря на, казалось бы, безудержные атаки галлов, оборона, построенная Гаем Юлием Цезарем вместе со своим другом и соратником Титом Лабиеном, осталась непоколебима.

Арс, юный племянник Виридомара из галльского племени аулерков, был готов к смерти. Ни один человек не смог бы обвинить его в трусости, но к удивлению многих, из атак на римлян он выходил без единой царапины, словно всё время отсиживался за спинами других. Когда рог трубил отступление, Арс всегда отходил к своим позициям в числе тех, кто прикрывал отход главного войска. В основном, это были закалённые в битвах матёрые бойцы. Любой очевидец, увидев Арса среди них, решил бы, что тот попал в их окружение случайно. Любой, но только не те, кто сражался вместе с ним и особенно не те, против кого сражался он. Один из галльских военачальников, пустил по войску слух, что Арс заговорённый и многие из бывалых воинов, превыше всего ценивших доблесть и мужество, в тайне радовались, что заговорённый рубака прикрывает им спины при отходе. Лишь немногие знали, что Арс был учеником самого Эпоредорикса, причем учеником, многократно превзошедшим в мастерстве своего учителя. «Мне бы когорту таких бойцов, – однажды высказался предводитель галлов Верцингеторикс, – я бы плевал на легионы Цезаря и Тита Лабиена».

Способность Арса даже в самой жаркой схватке не пролить ни капли собственной крови, казавшаяся со стороны чудом, не была врождённым свойством. К такому поразительному умению привели юношу талант учителя и личная одарённость молодого галла, граничащая с гениальностью. Всё же, его тело, как и тела его соратников, было испещрено шрамами от мечей и кинжалов. Правда, не в таком, как у других количестве, но вполне достаточно, чтобы понять то, что молодой галл может быть уязвим. Все эти шрамы Арс заработал в

процессе обучения, во время изматывающих тренировок, но самые страшные шрамы он носил на спине. Эти шрамы ему, ещё пятилетнему ребёнку, оставила рысь.

В галльских семьях детей растили матери. Сын, ещё не научившийся владеть оружием, обычно старался не показываться на глаза отцу, но к Арсу, ещё не прожившему своё шестое лето, отец относился благосклонно. Такая благосклонность объяснялась тем, что этот маленький аулерк был на особом попечении друида Тонтиориса. Однажды, погожим летним вечером, Арс втайне от матери убежал встречать отца с охоты. Он бежал по сумрачному лесу, радуясь наступившей в конце жаркого дня прохладе. Тропинка то появлялась, то исчезала, но мальчугана это не тревожило, так как он знал, что она непременно приведёт его к отцу, всегда возвращавшемуся по ней с охоты.

Неизвестно, что подвигло рысь сделать засаду недалеко от человеческого жилища, но она напала на бегущего среди деревьев по лесной тропинке голопузого мальчугана. Рысь наверняка убила бы его, но по счастливой случайности момент нападения увидел возвращавшийся с охоты отец. Ни секунды не колеблясь, он метнул свой охотничий дротик в хищника. Бросок оказался метким. Дротик пригвоздил зверя к земле, при этом оставив на бедре Арса глубокую рану. От ран, нанесённых хищником, Арс долго хворал. Друид Тонтиорис отпаивал мальчишку отварами и смазывал раны целебными мазями, но всё равно израненного Арса лихорадило. Глядя на исполосованную мощными когтями спину, а так же прокушенное насквозь у самой шеи плечо мальчугана, лечивший его друид удручённо качал головой. Но Арс выжил. Выжил, чтобы впоследствии стать непревзойдённым воином.

Случись Арсу родиться задолго до оккупации Лохматой Галлии войсками Римской Республики, он бы непременно стал вождём, способным объединить галльские племена, завоевав себе славу и известность, но судьба распорядилась иначе. На момент, когда Верцингеторикс поднял восстание против Республики, а затем, в результате не достаточно умелых действий, оказался осаждённым в Алезии, Арсу исполнилось пятнадцать лет. Ростом молодой галл был сто семьдесят пять сантиметров, около семидесяти килограммов весом и по закону Римской империи он уже год являлся совершеннолетним. По законам галлов он не считался взрослым бойцом, ведь совершеннолетие у галлов наступало только по достижении семнадцати лет. Внешность Арса также не соответствовала внешности его сверстников. Обладая тонкой прозрачной кожей, словно светившейся изнутри, он больше походил на миловидную девушку, чем на

умелого и уже опытного бойца.

Арс не боялся умереть. В отличие от своих соотечественников, он не просто верил в жизнь после смерти, а точно знал, что она существует. В силу собственной психики, юноша обладал воспоминаниями о прожитых моментах, которые не могли произойти с ним в реальной жизни. Он был уверен, что живёт двумя жизнями одновременно, и даже не догадывался, что часть воспоминаний услужливое подсознание черпало из его собственных сновидений и фантазий, которых юный галл попросту не помнил. Жизнь Арса словно состояла из двух частей, одна из которых протекала в реальности, а другая – внутри собственной головы. Не являясь ни аутистом, ни шизофреником и существуя по обе стороны черепной коробки, Арс, как ни странно, не делал различий между мнимой и настоящей стороной своего существования. Если спросить его о том, видит ли он сны, он категорически отрицал бы это. Жизнь словно в двух измерениях совсем не напрягала его, не вызывала отторжения, или опасения. Он никому не рассказывал об этом, считал само собой разумеющимся и в бою шёл на неоправданный риск не в силу безумной храбрости или безрассудства, а по той простой причине, что знал: умерев в этом мире, он останется жить в другом. По этой же причине в бою Арс вёл себя хладнокровно, никогда не проявлял ни гнева, ни злобы. Он всегда был спокоен, не смотря на то, что погибнуть в сражении, где смерть постоянно находилась на расстоянии вытянутой руки, сжимающей острый клинок, было довольно просто...

Что-то сказка начинается не совсем удачно. Видимо, бурные и невероятные события, произошедшие со мной несколько дней тому назад, оставили свой отпечаток на моём повествовании. Надеюсь, Арсюха с Женькой меня простят. Я потёр лицо руками, пытаюсь сосредоточиться, но, вместо этого, мысленно перенёсся на космодром, полный пожарных, полицейских и военных машин. Именно на космодроме начались удивительные и увлекательные события, перевернувшие всю мою жизнь.

Но сказку, хочешь не хочешь, нужно продолжать...

Галлы проиграли войну. Восстание оказалось подавленным. Два дня понадобились римлянам, чтобы разгромить войско Коммия, пришедшее на помощь осаждённым в Алезии. Верцингеторикс, понимая, что исход восстания предрешён, решил избежать бесполезных жертв и добровольно снял с себя доспехи. Он сложил оружие в знак покорности победителю и сел у ног Цезаря в ожидании его решения. Самые преданные вождю галлы из числа тех, кто

пережил с ним осаду, последовали его примеру, но к Цезарю их не допустили. Этих галлов, численностью в сто пять человек, выстроили в шеренгу неподалёку от ставки Цезаря и приказали опуститься на колени. Арс был в их числе. Рядом с ним стоял на коленях его младший брат Ген. Арс противился тому, чтобы брат, не участвовавший ни в одной битве, потому что работал в обозе и на кухне, явился вместе с воинами на добровольную капитуляцию. Противился вовсе не потому, что Ген не был бойцом. Арс знал, что отваги брату не занимать, но очень хотел сохранить ему жизнь. Он чувствовал, что, в отличие, от него самого, Ген живет в одном мире, а умереть сегодня, возжелай того Цезарь, можно было в любой момент.

Весь день сотня галлов стояла коленопреклонённая. Вечером, когда уже стемнело, мимо них прошёл Цезарь. При свете чадающих факелов он рассматривал лица своих добровольных пленников. Остановился возле братьев. Эта парочка не могла не привлечь его внимания. Он долго задумчиво рассматривал их. Молчал и смотрел. Затем сделал шаг, взял Гена за волосы и запрокинул его голову к свету факелов. Ген, находившийся на грани обморока от усталости, сделал попытку дерзко посмотреть в глаза Гая, но сознание поплыло. Видимый мир начал сужаться в точку и чтобы не грохнуться перед Цезарем в обморок, Ген всю свою волю направил на эту светлую точку перед глазами. Он вцепился в неё сознанием и удержался. Мир постепенно вернулся в первоначальное состояние. Правда Цезарь так и не увидел его дерзкого взгляда. Взгляд получился растерянным и испуганным. Но Цезарь понял состояние мальчишки, рассмотрел его борьбу с обмороком. Он ответил мальчишке грустной полуулыбкой и бросил несколько слов через плечо.

Сопровождавший Цезаря легионер открыл флягу и протянул её Гену. Ген взял фляжку и осторожно пригубил. В иссохшее горло потекло терпкое кислое вино. Сделав несколько глотков, Ген с трудом оторвался от живительного напитка и протянул флягу брату. Легионер с гневным окриком попытался забрать вино, но Цезарь вскинул руку в запрещающем жесте и засмеялся. Арс отхлебнул вина и передал флягу дальше. Прошептав что-то на ухо стоявшему рядом легату Титу Лабиему, Цезарь двинулся вдоль стоящих на коленях пленников, как будто хотел проследить путь фляги и узреть человека, на котором закончится её содержимое. Впрочем, это было всего лишь совпадение.

Тит Лабием отдал распоряжение и тут же к Гену подошли два римских солдата, подняли его на ноги и куда-то увели. Остальным разрешили устроить ночлег, развести костры и приготовить еду, но Арсу было не до еды, ведь случилось то,

чего он опасался больше всего: его разлучили с братом...

Ночью меня разбудил Арсений.

– Па, за окном нашей спальни кто-то плачет, – прошептал он мне в самое ухо, как только я открыл глаза в ответ на его прикосновение к моему плечу.

– Сейчас узнаем, – еле слышно ответил я, затем потихоньку, стараясь не разбудить жену, выбрался из-под одеяла. – Ты со мной?

– Ага, – Арсений тут же вцепился в мою руку.

Наш дом располагался в лесу, примерно в шести километрах от ближайшего посёлка. Лес обступал дом со всех сторон, а с тыла, как раз с той стороны, на которую выходили окна детской спальни, деревья подступали вплотную к самому дому. Наша с женой спальня располагалась через коридор напротив детской. Мы с Арсеном, не включая освещения, спустились на первый этаж. В сумраке прихожей я надел ботинки на босые ноги и взял с полки фонарик.

– Не боишься? – спросил я сына.

– Нет, – ответил тот, поплёскивая в темноте глазами.

– Женька спит?

– Не-а. Это он первый услышал плач и меня разбудил.

– Зови его. Только быстро и тихо, чтобы мама не проснулась.

Арсений на цыпочках убежал, а я, приоткрыв дверь в кухню, тихонько чмокнул губами. Малявка тут же прошмыгнула из кухни мне навстречу и встала на задние лапы, упёршись передними в моё бедро. Малявкой звали ручную лису. Она, будучи крохотным лисёнком, прибилась к нашему дому. На спине у неё было несколько колото-рваных ран, отчего я пришёл к выводу, что она чудом спаслась от того, чьи дети сегодня плакали в ночи.

– Малявка идёт с нами? – дети уже были рядом со мной и тискали довольную лису.

– Куда мы без неё? – я открыл входную дверь, и мы гурьбой вышли из дому.

Ночь была необычайно тихая, тёплая и звёздная. Ни облачка, ни ветерка. Почти полная луна в достаточной мере освещала наш путь, потому фонарик я пока не включал. Из-под навеса, потягиваясь, вышел Байрон. Байрон – дворняжка с примесью кавказской овчарки был огромен и грозен. Мы взяли его щенком из приюта в тот же день, когда на нашем подворье появилась Малявка. Его задачей было не столько охрана дома, сколько защита Малявки от соседских и бродячих собак, изредка забредавших на нашу территорию. Пёс и лиса росли вместе, укрепляя свою дружбу играми и совместной трапезой. Когда им выносили еду, а Байрон в этот момент отсутствовал, совершая обход находившихся под его охраной владений, Малявка никогда не приступала к еде одна. Она сидела возле миски Байрона, охраняя её до прихода друга. Как только в поле её зрения появлялся Байрон, она тут же отходила к своей тарелке и начинала есть. Вот только место для сна у каждого из них было своё. Малявка облюбовала себе кухню, а Байрон предпочитал спать во дворе под навесом.

Байрон без излишней суеты пристроился к нашей процессии, и вот уже всей ватагой мы завернули за дом. Я, зная, куда идти, направился по тропинке в нужную сторону в глубь леса и через пару десятков метров остановился около одной из сосен. Малявка с Байроном уселись под деревом, задрав головы вверх. Вверху, среди ветвей, была кромешная темнота.

– Слушайте, – прошептал я.

– Кого? – одновременно и тоже шёпотом спросили дети.

– Лес, – ответил я.

Тишина в лесу никогда не бывает абсолютной, но в этот момент она была именно такой. Казалось, что даже Байрон с Малявкой затаили дыхание, ощущая значимость момента. Вдруг, в темноте ветвей над нами раздался шорох. Через несколько секунд он повторился. И снова. Это уже походило на чью-то неторопливую возню. Я включил фонарик, направляя яркий луч в сторону доносившихся шорохов. Вверху, на толстой сосновой ветке, сидели два совёнка.

Ещё в пуху. Этакie обаятельные уродцы. Они смотрели на нас, крутили головами и хлопали большими глазами.

– Вот кто вас разбудил. Совята.

– А почему они плакали? – спросил Женька.

– Они не плакали, – я давно знал про совиное семейство, живущее по соседству, но не рассказывал про него детям, чтобы они не беспокоили птиц почём зря, – это они петь учились.

– А где их родители? – по интонации, с какой Арся задал вопрос, я понял, что сейчас последует просьба об «усыновлении» птенцов.

– Ищут им еду. Возможно, что кто-то из них уже поймал мышь и сидит сейчас неподалёку, наблюдая за нами, – я дал сыновьям достаточно информации, чтобы пресечь их просьбы о приеме совят в нашу семью.

Дети тут же, словно совята, завертели головами, надеясь увидеть взрослых сов, но эту ночную птицу и днём-то не всегда заметишь, а ночью увидеть их – пустая трата времени. Я пробежал фонариком по веткам вокруг нас в надежде, что луч света отразится в глазах взрослой совы. Но нет, родителей рядом не было.

– Ну что, удовлетворили своё любопытство?

– Ага, – хором откликнулись мальчишки.

– Домой? – предложил я.

– Байрон, пошли. Пошли, Малявка, – скомандовал своим любимцам Женька, после чего наша ватага отправилась в обратный путь.

Байрон, прежде чем уйти, бухнул вверх для проформы, как бы предупреждая совят, чтобы те не вздумали забираться на его территорию. Совята оставили Байрона без ответа.

В доме я уложил детей в постели. Уже приоткрыл дверь, чтобы выйти, но тут в темноте слышался Арсин голос:

– Па, а что было в сказке дальше?

– О-хо-хо-х, – вздохнул я и повернулся к детям. Они, подобно совытам, довольные зашуршали одеялами, устраиваясь так, чтобы удобней было меня слушать...

2

– Знаешь, Кезон, а это неплохая идея, – сенатор Гай Децим задумчиво катал между ладонями пустой серебряный кубок. Вино ему понравилось. Видимо, прижимистый Кезон откупорил ради такого случая бочонок с лучшим вином: – А теперь, будь добр, обо всём подробнее.

– Ты, сенатор, даже не сомневайся, так как идея действительно великолепна. Она принесёт большую прибыль и мне, и тебе, – Кезон ждал, когда Гай Децим поставит кубок на стол, чтобы подать знак слуге. Слуга, стоявший в сторонке и без того был готов по любому сигналу наполнить сосуд гостя вином: – Все хозяева гладиаторских школ уже знают о том, что в гладиаторских боях в честь победы Цезаря будут участвовать только пленные солдаты. Многие из ланист даже не станут подавать списки бойцов, чтобы Сенат мог выбрать лучших и оплатить их. Нам необходимо распустить слухок, что одновременно с играми в Риме, пройдут бои ещё в нескольких провинциях. Под эти мнимые бои я скуплю у других ланист гладиаторов по достаточно низкой цене. Твоя задача состоит в том, чтобы убедить Сенат купить гладиаторов для предстоящих игр у меня. Цена на этих бойцов будет, как ты знаешь, примерно вдвое больше, чем та, за которую я их приобрету. Прибыль я предлагаю поделить пополам.

– Осталось придумать, куда деть пленных варваров, предназначенных для игр гладиаторов, – Гай Децим наконец-то поставил кубок на маленький столик, стоявший рядом с креслом, на котором он сидел, и дважды легонько стукнул по нему ногтем. Слуга мгновенно подскочил к столику и налил вина. Гай Децим с удовольствием сделал большой глоток и прикрыл глаза. Вино было в меру горячим и содержало идеальный баланс добавленных специй.

Не поднимая опущенных век, сенатор продолжил:

– Вся загвоздка в том, дорогой Кезон, как нам избавиться от пленных галлов.

На несколько минут в комнате наступила тишина, нарушаемая только дыханием находящихся в ней людей. Кезон со своего места с надеждой всматривался в лицо сенатора, но тот, казалось, заснул. «Быть может, стоит его как-то разбудить?» – подумал Кезон и даже сделал попытку приподняться со стула, но в этот момент Гай Децим открыл глаза и внимательно посмотрел на него.

– Я сообразил, куда мы денем галлов, – с видом триумфатора сенатор допил кубок и снова стал катать его меж ладоней.

– Слушаю тебя с нетерпением, – Кезон, жадный до денег, весь подался вперёд. Глаза его алчно заблестели, а лоб покрылся испариной от предвкушения прибыли.

– Мы принесём их в жертву, – сказал Гай Децим, глядя на потное лицо своего собеседника, а за тем развил свою мысль: – Ты, Кезон, будучи ланистой, как никто другой должен понимать, что гладиаторские бои – это особая форма жертвоприношения, где павшие на арене гладиаторы являют собой жертву Великому Риму и богам, которые ему покровительствуют. Ритуалы жертвоприношения в свою очередь могут быть очень разнообразными. Можно вывести человека на площадь и публично перерезать ему горло в знак уважения любимого бога. Можно привязать его к столбу, обложить дровами и сжечь на костре, при этом наши жрецы любой костёр провозгласят священным огнём. Но с этими людьми, мой дорогой Кезон, мы поступим совершенно иначе. Принеся их в жертву по придуманному мной ритуалу, мы не только отдадим честь триумфатору Цезарю, но вдобавок неплохо поправим наше финансовое состояние.

– Мне не терпится узнать, каким образом произойдёт придуманная тобой гекатомба, в которой сотню быков заменит сотня галлов, – Кезон захохотал над собственной шуткой, щёлкнул пальцами, и слуга наполнил сосуд сенатора снова. Гай Децим удовлетворённо кивнул и отпил из кубка.

– Мы «замостим» телами галлов дорогу Цезарю и его легионам. Уложим их так, чтобы по их телам Цезарь по Кливус Викториа вошёл в Рим. Они будут лежать

под специально сделанными деревянными настилами через промежутки, позволяющие наверняка раздавить их. Если кто-то из них и выживет, то в этом случае он вряд ли сможет держать в руке меч, чтобы участвовать в поединках.

– Гениально, сенатор! – Кезон энергично потёр ладони. – Теперь главное – всё проверить быстро и без ошибок. Мои люди прямо сегодня запустят слухок об Играх в провинциях, а когда в Рим придут пленные, у меня уже будет нужное количество бойцов. Затем дело за вами. Вы должны каким-то образом убедить сенат принести пленных в жертву, а потом оплатить моих гладиаторов.

– Не беспокойся, дорогой Кезон, – Гай Децим покровительственно улыбнулся, – у меня в Сенате есть свои рычаги влияния, и уже сегодня я начну на них нажимать. К моменту прибытия Цезаря всё будет сделано в лучшем виде.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, сенатор, – решил польстить сенатору Кезон.

– И я в свою очередь нисколько не сомневаюсь, – говоря это, Гай Децим слегка лукавил, ведь для Сената эти пленники являлись гражданами Римской Республики, пусть даже и восставшими.

Для Сената заставить сражаться пленных на арене было вполне приемлемым наказанием за бунт против Республики, но отправить их как овец на заклание? Гай Децим согласился на предложенную Кезоном аферу не только из-за материальной выгоды. Ему представился случай проверить свою значимость в Сенате, проверить своё влияние. А деньги? Деньги для него были всего лишь приятным дополнением.

Пленные галлы прибыли в Рим примерно через месяц после того, как предводитель восстания, в котором они участвовали, капитулировал. Их поселили в большом бараке. Здесь, на самом краю римского пригорода, они ещё месяц ждали прибытия триумфатора и его войск. Кормили пленных вполне сносно и за время вынужденного бездействия некоторые из галлов даже набрали вес. Целыми днями пленники бродили по двору, огороженному высоким забором. Одни играли в примитивные игры, другие время от времени дрались между собой на потеху охране, третьи просто сидели, тупо уставившись в землю либо в небо. Все знали, что их готовят для битвы друг с другом, и от этой мысли многие из них впали в уныние. Никто из пленников ни секунды не помышлял о побеге и не сожалел, что добровольно вызвался сопровождать Верцигеторикса,

отказавшегося от дальнейшей борьбы, к Цезарю. Судьба вождя, сдавшегося на милость победителю, была им неизвестна, что так же влияло на моральное состояние галльских воинов, ввергая их в прострацию и бездну депрессии. Всё же были среди них такие, которых ситуация не сломила. Из дня в день они упорно истязали себя физическими упражнениями лишь для того, чтобы в последний день своей жизни быть в отличной форме и с оружием в руках достойно встретить неизбежную смерть. Арс был в числе немногих стойких духом и волей солдат. Вооружившись двумя короткими палками, он без конца отрабатывал выпады и уклоны, отрываясь от тренировок только на еду и сон. Но судьба в лице двух хитрых и алчных римлян уготовила пленникам иную участь. Однажды ранним утром галлов вывели из барака, заставили раздеться догола и обнажёнными повели по безымянным грязным улочкам пригорода Рима в сторону Кливус Викториа.

На пустыре, где начиналась Кливус Викториа, уже вовсю кипела работа. Плотники прибыли сюда с первыми лучами солнца, но так как обоз с досками задержался в пути, сооружение настилов началось незадолго до появления пленников. Галлов построили по росту и парами отводили в сторону, где им связывали ноги и укладывали на землю ступнями друг к другу, лицом вверх. Когда восемь человек уже лежали на земле, их накрыли дощатым помостом. Остальные пленники поняли, какой удел их ждёт и зароптали. Стража, с выставленными наперевес копьями, тут же окружила их, всем видом давая понять, что любое сопротивление будет сломлено мгновенно. Даже после того, как они узнали, какое предназначение уготовили им римляне, никто из галлов не испугался. Они всего лишь сочли, что такая смерть недостойна воинов. Командир галлов выступил вперёд и резким тоном высказал негодование, охватившее его товарищей, стоявшему рядом переводчику. Хитрый переводчик быстро убедил его, что участие в таком ритуале считается в Риме почётным делом, и дальнейшая укладка пленных под настилы прошла без проблем.

Арса, как самого высокого из пленников, в паре с галлом, который был только на сантиметр ниже его, уложили под настил последним. Плотники, скрепив настилы между собой, приступили к изготовлению пологих пандусов для подъёма и спуска на этот оригинальный подиум.

День близился к полудню. Солдаты первого, пятнадцатого и шестнадцатого легионов, в начищенных до блеска доспехах и при оружии, уже выстроились в колонны, ожидая прибытия своего полководца. Из-под настила, по которым предстояло пройти легионам, доносились стоны и роптания людей, ведь их

мучила жажда и затёкшие без движения члены. За несколько часов томления в таком положении настил из толстых досок и брусьев уже казался им сделанным из гранита. Время от времени кто-нибудь из охранников подходил к настилу, опускался на одно колено и бил древком копья по голове или плечам человека, превысившего, на его взгляд, уровень допустимого в такой ситуации шума.

Арс молчал. Несмотря на тяжесть досок, давивших на его грудь, он сумел отвлечься и погрузиться в грёзы, представляя себе родную деревню и мать, хлопотавшую около очага. Какое-то время он даже дремал, но стон человека, лежавшего рядом, вывел его из забытья. До него донёсся гул толпы, собравшейся чествовать Цезаря. Слух о необычном мероприятии с участием пленных галлов быстро разлетелся по городу. На Кливус Виктории собралась огромная толпа, состоявшая не только из горожан, у которых была возможность сюда явиться. В дополнение к ним здесь собрались все свободные от работ жители близлежащих деревень. Толпа гудела, словно гигантский пчелиный улей, и этот гул перекрывал практически все остальные звуки. Арс внимательно вслушивался в гул тысяч человеческих голосов, желая представить, что происходит по ту сторону досок. Старательно напрягая слух, он пытался сквозь людские голоса уловить начало движения римских когорт, но всё равно вибрация почвы под ногами десятка тысяч марширующих солдат стала для него неожиданностью. Он ощутил эту вибрацию всей спиной, но всё же, никак не мог понять, что происходит.

– Держись!!! – раздался приглушённый досками крик одного из галльских командиров. Только тогда Арс понял, что дьявольское испытание началось...

Утром за завтраком, когда мы всей семьёй сидели за столом, Арся задал мне неудобный вопрос.

– Па, а римляне были садистами?

– Нет, сын, не были. Просто в те времена у многих народов была мораль, допускающая такие поступки, которые, с нашей точки зрения, считаются зверскими, варварскими и даже садистскими. У каждой эпохи свои нравы, и, возможно, какие-то из наших поступков, тех, что мы сегодня считаем нормой, в будущем станут неприемлемыми.

– Ты хоть понимаешь, что разговариваешь с тринадцатилетним ребёнком? – встряла в разговор жена.

– Между прочим, Древний Рим мы уже учили по истории, и про гладиаторские бои тоже. Я даже игру «Гладиатор» прошёл полностью. А обществоведение изучаем с прошлого года, – гордо заявил Арсений.

– Это не та ли игра, что лежит у папы в кабинете, а на коробке написано «плюс шестнадцать»? – жена грозно повернулась к Арсену. Женька, до сих пор безучастно и сонно ковырявший вилкой омлет, встрепенулся.

– Нет, мама, на «Гладиаторе» «плюс двенадцать». Это на «Риме» «плюс шестнадцать», но там нет ничего страшного.

– А ты откуда знаешь? – жена переключилась на младшего сына, а Арся гневно толкнул брата локтем в бок.

– Папа играл, а мы смотрели, – Женька, не моргнув глазом, сдал маме и меня. Наивная детская простота. Теперь взгляд жены был обращён в мою сторону.

– Это обыкновенная стратегка, – максимально спокойным тоном заверил я жену, – Единственное, что нужно из «плюс шестнадцати», когда играешь в неё – это только мозги.

– Па, а почему в древности была мораль, допускавшая такие жестокости? – спросил Арся, посчитав, что вопрос с играми и их возрастными ограничениями уже закрыт. Я с облегчением повернулся к нему.

– Чем выше уровень культуры в обществе, тем меньше жестокостей допускает её мораль. А уровень культуры в свою очередь зависит от количества знаний, оперируемых обществом. Если сегодня закрыть все детские сады, школы и институты, закрыть доступ людям к знаниям, то резко упадёт уровень нашей культуры, а через некоторое время наша мораль позволит нам заниматься даже людоедством.

– Я тоже людей стану есть? – удивлённо спросил Женька, наконец-то полностью проснувшись.

– Нет, сын, не будешь. Говоря «мы», я подразумевал наше нынешнее общество, всех людей. Людоедством, скорей всего, будут заниматься твои внуки или правнуки.

– Не забивай, пожалуйста, ребёнку голову всякими ужасами, – с улыбкой попросила меня жена.

– Я не трус, мне не страшно, мы с Арсей лягушку ели, – неожиданно заявил Женька, а затем, сделав секундную паузу, добавил: – Жареную.

Пока мы с женой, огорошенные, смотрели друг на друга, Женька поспешил добить нас окончательно:

– Как французы. Мы её за домом на костре жарили.

– А ещё муравьёв ели, – невозмутимо добавил Арся. – Они кисленькие и вкусненькие. Только один попался невкусный. Прошлогодний, наверное.

Я думал, что умру от смеха, лопнув и разлетевшись крохотными кусочками по кухне, но нет, выжил. В метре от меня выжила от смеха моя жена...

По подиуму, сооружённому в честь победы Цезаря над Лохматой Галлией, предстояло пройти трём легионам, численность каковых составляла без малого одиннадцать тысяч человек. Чтобы подиум не двигался вперёд-назад на той мягкой опоре, что представляли собой человеческие тела, находившиеся под ним, по концам пандусов в землю были вбиты толстые буковые колья. Тем не менее, когда четыре лошади первыми взошли на подиум, таща за собой квадригу со стоявшим на ней Юлием Цезарем, он просел и подался вперёд, сдвинувшись совсем незначительно, всего лишь около пяти сантиметров, но именно этой мелочи хватило, чтобы вес колесницы мгновенно выдавил из лёгких первых четырёх человек весь воздух. Больше вздохнуть они не смогли, потому что на помост, вслед за квадригой маршем взошли солдаты.

Некоторые пленники пытались облегчить себе дыхание, приподняв помост над грудной клеткой руками. Они лежали, упершись ладонями в грубые сырые доски, а локтями в каменную брусчатку. Под весом тяжёлой квадриги лучевые кости предплечий не выдержали и сломались с треском, словно сухие ветки. Под помостом раздались вопли, потонувшие в криках толпы, приветствующей своих

победителей. Но и эти вопли мгновенно стихли, ведь кричавшие выдохнув на крике, уже не смогли вобрать в себя ни капли воздуха. С каждой новой шеренгой солдат, входивших на этот подиум, звуки под подиумом становились всё тише и тише, переходя в неясные предсмертные хрипы, полностью заглушённые орущими горожанами. Когда шествие выдавило из грудных клеток сотни пленников последние остатки воздуха, под настилом наступила относительная тишина, так как треска сломанных рёбер и раздавленных черепов не смог бы услышать даже самый внимательный зритель, стоявший в вопящей толпе.

Арс слышал каждый звук, рождавшийся под настилом, но был спокоен. Он готовился умереть в этом мире и полностью перейти в следующий. Мысли, что тот, другой мир является плодом сновидений и фантазий, он не допускал. Любой психиатр будущего, опросив его, поставил бы диагноз начинающегося эскейпизма и оказался бы неправ, потому что расстройства психики у Арса не было. Его состояние было вызвано редким, необычным для мира, в котором Арс жил, свойством человеческой психики. Со временем таких людей будет рождаться всё больше, но это со временем. А сейчас Арс, возможно, единственный человек с такими уникальными психическими свойствами, лежал под настилом и слушал звуки смерти, приближавшиеся к нему. Звуки смерти с каждой секундой становились всё явственнее, всё отчётливее. Они были заглушены топотом маршировавших римских солдат, каждый удар ног которых по доскам, гулко отдавался под настилом. Арс всё же сумел выделить в этом шуме стоны, издаваемые умирающими людьми, треск костей и слышал только их. Это так же было свойством его психики – уметь слышать то, что большинству людей недоступно. Смерть, шагавшая в строю римских солдат, надвигалась неотвратно.

Настил с мёртвых галлов сняли только после захода солнца. Плотники при свете факелов и в полной тишине таскали окровавленные доски, складывая их на повозки. Причудливые тени, рождаемые языками факельного пламени, были похожи на гротескных чудовищ, выбравшихся из бесконечных глубин мрака, чтобы охотиться за улетающими душами галлов. Лишь изредка тишину нарушала брань очередного неудачника, поскользнувшегося из-за собственной оплошности в луже свернувшейся крови.

Начальник стражи Нумерий Гней, в поисках малейших признаков жизни, с факелом в руке внимательно осматривал каждого раздавленного галла, чтобы собственным мечом даровать мученику спасительную смерть. Когда сняли

первый настил, по состоянию трупов он понял, что живых искать нет смысла, но обязанности свои Нумерий выполнял добросовестно, поэтому подходил к каждому мертвецу. Если обманчивый свет танцующего пламени вводил его в заблуждение, он доставал из сумки зеркальце и, присев на корточки, подносил отполированную сталь к губам мертвеца. Но в этой импровизированной чудовищной давяльне никто не выжил.

Каково было его удивление, когда в последней паре один из двух, связанных за щиколотки галлов оказался жив. Галл был в сознании и лежал, не издав ни одного звука, несмотря на обе переломанные руки. Он был одним из тех, кто решил облегчить себе дыхание, упершись ладонями в настил. Из правого предплечья торчали обломки лучевых костей, а из разорванных острыми сколами вен ещё текла густая кровь. Левая рука так же была сломана в предплечье, но открытых ран не было. Зато был раздроблен локоть. На его счастье, получив эти травмы, он тут же потерял сознание и очнулся только после того, как с его груди сняли настил. Он смотрел на начальника стражи безучастно, как смертельно раненный зверь смотрит смиренно на своего убийцу.

Нумерий Гней внимательно оглядел землю вокруг галла и сразу понял причину его чудесного спасения. Буковые колья, вбитые в землю в конце пандуса для удержания настила на месте, сыграли свою роль в тот момент, когда под натиском колесницы, первой въехавшей на подиум, помост подался вперёд, тем самым увеличив высоту между досками и грудью этого человека. Если бы не буковые колья, пандус также сместился бы вперёд, и после спуска колесницы с настила тело несчастного, несомненно, выглядело бы так же плачевно, как и тела первых раздавленных галлов. Своим спасением это галл был обязан двум толстым буковым кольям.

Нумерий повернулся к другому пленнику, лежавшему в паре с выжившим. Он опустил факел пониже и осветил его. Удивлённо вскинув брови, начальник стражи дал команду трем своим подчинённым, стоявшим неподалёку и безучастно наблюдавшим за работой плотников, подойти к нему.

Четыре римлянина при свете своих факелов широко раскрытыми глазами смотрели на Арса. Арс спал, положив голову набок. В тот момент, когда стихли предсмертные звуки под досками, а вслед за этим исчезло давление римских солдат на настил, он, осознав, что остался жив, мгновенно заснул. Заснул от бесконечной усталости. Этот сон был защитной реакцией подростка на стресс. Арс спал, не смотря на то, что его лицо было в ссадинах, а грудь в крови и

синяках, оставленными досками, когда те вибрировали в такт шагам маршировавших солдат.

– Этого поднять и в тюрьму. Если до рассвета выживет, пусть кто-нибудь другой, а не я, решает его судьбу, – Нумерий решил снять с себя ответственность за жизнь этого чудом выжившего человека.

– А с тем что делать? – стражник показал острием копья на второго выжившего галла. – Он вряд ли оклемается с такими ранами, а если оклемается, то останется калекой, а куда его, калеку, потом девать?

Нумерий Гней подошёл к раненому. При свете чадающего факела взглянул пленнику в лицо и достал меч из ножен. Раненый галл всё понял. Он, закрыв глаза, сделал медленный выдох, и в этот момент начальник стражи профессиональным движением опытного бойца перерубил ему шею, отделив горемычную голову от брэнного тела.

3

Когда двое солдат подняли его с колен и по велению Цезаря повели прочь, Ген подумал, что его решили убить отдельно от остальных, как недостойного находиться вместе с прославленными и опытными воинами. Но он ошибся. Его поместили в просторную палатку, в которой не было ничего, кроме большой кучи соломы. Один из солдат остался у входа, а второй куда-то ушёл. Через некоторое время он принёс Гену миску густой похлёбки с мясом и овощами, а также большой ломоть свежей лепёшки. Ген, не съевший за день ни крошки, наелся до отвала. Разомлев от сытости, он улёгся на солому. Как только он расслабился и закрыл глаза, сон мгновенно сморил его.

Утром всё те же двое легионеров отвели Гена в палатку Цезаря.

– Я хочу, чтобы этого мальчишку как можно быстрее подготовили к учёбе в начальной школе! – Цезарь ткнул пальцем в стоявшего у входа Гена. – Обучить мальчишку языку и дать ему все необходимые для начальной школы знания.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно, Гай, – Тит Лабием недоумённо развёл руками. – В начальную школу дети идут с семи лет, а этому зверёнышу на вид лет десять-двенадцать, и, я уверен, полное отсутствие элементарных знаний.

– Нужно попробовать, – мягко сказал Цезарь, – и я очень надеюсь на твою помощь, Тит.

– Хорошо, давай же, не мешкая, приступим к его обучению. Ко времени прибытия в Рим будет ясно, годен он на что-либо или нет. У меня есть человек, знающий галльский. К тому же он владеет знаниями, необходимыми для подготовки к обучению в начальной школе.

– Есть ещё одна просьба, мой друг. Я не хочу, чтобы всё происходящее здесь афишировалось в Риме, – Цезарь внимательно посмотрел на Гена. – Выяснили, как зовут мальчишку?

– Галлы утверждают, что его зовут Ген. Кстати, среди пленных есть его старший брат. Несмотря на то, что он ещё очень юн, остальные галлы относятся к нему с большим уважением. Его тоже надо куда-нибудь пристроить? Пройдя обучение, он мог бы стать прекрасным телохранителем собственного брата.

– Нет, брат мне не нужен. Я очень надеюсь, что те галлы, которые, по твоим словам, почитают его, выпустят ему кишки на арене в первый же день гладиаторских игр. Его присутствие в этом мире может серьёзно нарушить мои планы на его младшего брата. Как, ты сказал, зовут мальчугана?

– Ген, – Лабием снова повторил имя мальчишки, и тот, услышав его, зыркнул на легата взглядом затравленного волчонка.

– Ген, Ген, Ген, – Цезарь словно пробовал имя на вкус, – Ген, Ген. С этого дня зовите его Гай.

– Ты хочешь дать ему своё имя? – Тит Лабием театрально вскинул руки вверх, закатил глаза и произнёс громким шёпотом: – Небеса! Куда же тебя несёт, Цезарь?

Цезарь в ответ только усмехнулся.

– Гаев предостаточно на просторах Республики. Мальчишку необходимо переодеть, вымыть, постричь, звать только Гаем, привить манеры, и через полгода я представляю его в Риме как своего родственника из глубокой забитой провинции, – Цезарь довольно хлопнул себя по бёдрам и встал со стула. – Насчет глубокой забитой провинции я даже никого не обману. И смотрите, чтобы он не убежал.

Ген убежать не собирался, ведь он считал, что где-то рядом находится его брат. Он не знал, что пленных галлов и часть обоза уже отправили в Рим.

Утром следующего дня Гена было трудно отличить от обычного римского подростка. Происходившие с ним метаморфозы Ген посчитал экзекуцией, но вынес их безропотно. Даже стрижку, в процессе которой, цирюльник, стригший самого Цезаря, наградил его короткой причёской, Ген, возмущённый до глубины души, перенёс спокойно. Затем два легионера сопроводили его к учителю Спурию. С этого момента учитель и ученик проводили всё время вместе, словно отец и сын. Обучение проходило почти круглосуточно, даже во время трапезы, и только короткий сон давал Гену возможность отдохнуть от свалившейся на него умственной нагрузки. Спурий оказался добряком, с первого взгляда разобравшимся, в каком душевном состоянии находится доверенный ему мальчишка. Когда к нему привели Гена, он целый час разговаривал с ним на языке галлов и к концу разговора знал про мальчишку почти всё.

Первое время, когда началось обучение, Ген с хмурым видом отмалчивался. Спурий же, тараторил, не умолкая ни на минуту. Наконец-то Спурию попался не просто благодарный слушатель, а слушатель, в обязанности которого входило внимать ему беспрекословно.

– Лес, – показывал ему Спурий на медленно проплывавший мимо повозки лес, тут же переводя это слово на понятный для мальчишки язык.

– Дорога, – Спурий тыкал пальцем себе под ноги и называл галльский вариант.

Его совершенно не смущало молчание Гена. Не ожидая ответа, он называл Гену предметы, части тела и явления, тут же переводя все слова. Ген, внешне безразличный, впитывал всё как губка. Так прошли три дня. По истечении третьего дня, уже засыпая, Ген задал Спурию вопрос на языке римлян:

– Где мой брат?

Спурий слегка опешил. Он знал про существование брата из первоначального разговора с мальчишкой, но судьбой его и остальных пленных галлов не интересовался.

– Не знаю, но завтра утром, когда ты проснёшься, я тебе скажу, – ответил он растерянно.

Спурий прекрасно понимал, что значит для мальчишки потеря брата. Он сам потерял младшего брата, погибшего в одном из боёв при покорении Лохматой Галлии, и боль от этой потери всё ещё сидела занозой в его груди. Когда воспоминания о брате набегали сильнее, чем обычно, эта боль проявлялась лёгкой дрожью в голосе. Точно такую же дрожь он услышал в словах Гена, когда тот задал вопрос о своём брате, и воспринял её как собственную.

Спурий поднялся с рассветом, но всё равно оказался не первым из проснувшихся этим утром. Лагерь оживал, готовясь к очередному переходу. Кто-то раздувал уголья, пытаясь оживить костёр, кто-то уже разогревал себе еду, а некоторые успели сложить походные палатки на повозки и запрячь в них мулов. Узнав о судьбе пленных галлов, Спурий вернулся к Гену. Тот к этому времени выполнил все работы из тех, что по утрам делал Спурий в то время, пока Ген ещё спал. Эти работы были ему знакомы, ведь именно ими он занимался в галльской армии. К приходу Спурия Ген сложил все вещи на повозку, оставив только складные стул и столик, раздул костёр и разогрел еду. Не дожидаясь возвращения Спурия, Ген поел и тщательно вымыл свою оловянную миску. Миску с едой для Спурия он заботливо накрыл собственной и придвинул к огню, чтобы содержимое не остыло.

– Спасибо за заботу, – Спурий поднял свою миску. Он поставил её на походный столик, удобно устроился на складном стуле, достал из сумки ложку и приступил к еде.

Ген ждал молча. Когда Спурий поел и помыл посуду, они вместе, по-прежнему не произнося ни слова, убрали оставшиеся пожитки на повозку и погасили костёр. Наконец, когда все было сложено и уложено, лошадь запряжена, а они сами уселись в повозку, ожидая команды к началу движения, Спурий начал рассказ:

– Я узнал, где находится твой брат. Пленных галлов и твоего брата в их числе в ускоренном темпе отправили в Рим. Если ты хочешь найти его в Риме, тебе необходимо хорошо знать наш язык, чтобы в тебе видели не варвара, а римлянина. А для этого нужно старательно учиться. Ты, Гай, мальчик смешишь, у тебя получится.

Спурий впервые назвал Гена новым именем.

– Меня зовут Ген, – спокойно и почти без акцента поправил его Ген.

– Без сомнений, это так, – серьёзно ответил Спурий.

С тех пор Спурий ни разу не назвал своего ученика Гаем. Находясь с ним наедине, он именовал его Геном, а если рядом был кто-то из посторонних, обращался к нему безлико: «мальчишка», «парень», или «дружище».

Учеба давалась Гену легко, да и учился Ген с видимым удовольствием. К тому же, к немалому удивлению Спурия, этот юный варвар не так уж и мало знал. Оказалось, что римские дети не обладали таким набором знаний, какой был за плечами его подопечного. В начальных школах Рима детей с семи лет обучали чтению, письму и арифметике. Ген же разбирался в камнях и металлах. В свои десять лет он ведал, как их обрабатывать и как по цвету разогретого металла определять его готовность к ковке, распознавал виды деревьев, какая древесина для каких целей годится. Он неплохо для своего возраста владел мечом, стрелял из лука и ловко сидел на лошади, как в седле, так и без седла. Но больше всего Спурия поразило то, что Ген хорошо знал арифметику и астрономию, великолепно разбирался в звёздном небе и свободно ориентировался на местности.

Каждый вечер вдвоём они являлись в палатку Цезаря, где Спурий обстоятельно докладывал Гаю Юлию об успехах своего ученика. Он делал это с гордостью, ведь такие успехи могли заставить гордиться любого учителя. Цезарь в свою очередь проводил с Геном короткий импровизированный экзамен. Затем он акцентировал внимание Спурия на области знаний, которые, по его мнению, необходимо было подтянуть мальчишке, чтобы в Римской начальной школе он не отличался от сверстников.

Сложнее всего давалось Гену письмо. Тем не менее, за два с небольшим хвостиком месяца, проведённые мальчишкой в путешествии из Алезии в Рим, он сумел научиться писать под диктовку практически без ошибок. Правда, подчерк его по-прежнему оставлял желать лучшего.

4

Арс после жертвоприношения восстанавливался быстро. Через четыре дня, когда за ним пришли, он, несмотря на ещё не сошедшие до конца кровоподтёки и не полностью зажившие ссадины, чувствовал себя готовым достойно встретить любое испытание. Сопровождаемый двумя римскими солдатами во главе с офицером, он был доставлен к дому Тита Лабиена. Легату не только было любопытно взглянуть на выжившего после такой казни галла, но и предстояло вынести решение о его дальнейшей судьбе. Для себя Тит Лабиен уже решил наградить галла свободой, но, когда выжившего привели, легат неимоверно расстроился. В человеке, которому он хотел даровать свободное существование, Тит мгновенно признал брата того мальчишки, что под видом родственника жил в доме Цезаря. Теперь о том, чтобы отпустить удачливого юношу, не посоветовавшись с Цезарем, не могло быть и речи, ведь Тит хорошо запомнил слова своего друга о том, что лучшим исходом в ситуации с двумя братьями-галлами станет смерть старшего брата.

К удивлению Тита Лабиена, мальчишка, которого Цезарь и всё его окружение теперь звали Гаем, оказался очень способным и даже одарённым ребёнком. Его успехи в учёбе невероятно радовали Цезаря, поэтому, зная происходящее, Тит Лабиен немедленно послал гонца к Гаю Юлию с приглашением посетить его дом в самое кратчайшее время. Эту срочность он объяснил неотложными и очень важными для самого Цезаря обстоятельствами.

Цезарь явился незамедлительно. Взглянув на Арса, он сразу понял, почему Тит Лабиен вызвал его к себе, а не пришёл сам. Было недопустимо, чтобы его Гай увидел брата, которого считал погибшим, так как вести о казни галлов давно достигли его ушей. В то же время тайно казнить выжившего пленника Цезарю было не по нутру. Видя одолевавшие Цезаря эмоции, Тит Лабиен обратился к нему с советом:

– Послушай, Гай, что я посоветую тебе. Этого парня нужно отдать в гладиаторскую школу Кезона с условием, что тот, не откладывая всё в долгий ящик, начнёт выставлять его на самые тяжёлые бои, а твоему приёмышу запретить присутствовать на боях с участием брата. Поручи это тем, кто опекает юного Гая, а также строго накажи им, что нарушение данного правила будет караться самым жестоким образом. Я же, в свою очередь, распоряжусь, чтобы Кезон предупреждал опекунов Гая о предстоящих боях с участием этого варвара.

– Хорошо, – взвесив слова легата, ответил Цезарь. – Пусть будет так, как ты сказал. Только с одним небольшим уточнением: опекунов в этот вопрос не втягивать, а доклады должны идти через меня. Утряси все вопросы с Кезоном как можно быстрее. Бои на арене, как ни крути, тоже казнь, но в этом случае мы все-таки даём ему какой-то шанс продлить себе жизнь. К тому же, судя по всему, парень просто счастливчик. Я очень надеюсь, что его счастье оборвётся в ближайшие дни на арене.

Когда Арса привели в гладиаторскую школу Кезона, тот вызвал лекаря. Вдвоём они тщательно осмотрели новичка на наличие видимых симптомов заболеваний и паразитов. Осмотром Кезон остался доволен, ведь юноша, попавший к нему, оказался здоров и крепок. Получить в гладиаторы ещё одного галла было совсем неплохо, так как он из собственного опыта знал, что бойцы из них зачастую выходили просто отменные. У него в школе и сейчас имелись два галла, сильные, рослые и выносливые. Правда, не такого высокого роста, как это молодой варвар.

Кезон велел помощнику позвать любимца публики и лучшего гладиатора школы Кастула, чьё имя неоднократно скандировали зрители, а также галла Казоира в качестве переводчика. Кастул был римлянином. В гладиаторскую школу он попал за долги, но, тем не менее, полностью оправдывал смысл, вложенный в его имя, «разрушительный». Его тело бугрилось мышцами, однако, не смотря на некоторую массивность, Кастул был ловким и стремительным воином, способным разрушить любую оборону противника, а не только собственную жизнь. Казоир ни в чём не уступал Кастулу внешне и, хотя они никогда не сражались друг с другом, в душе был уверен, что, если судьба сведёт его в поединке с Кастулом, победа будет за ним. Но сейчас они были друзьями.

– Поговори с ним, Казоир, – Кезон указал Казоиру на Арса. – Это твой соотечественник. Он единственный, кто выжил в недавнем жертвоприношении в

честь триумфа Цезаря.

Казоир уже несколько лет жил в Риме и, несмотря на то, что был обыкновенным рабом-гладиатором, в душе считал себя римлянином. Он надеялся обрести на арене свободу и окончательно поселиться в Риме, потому упоминание о соотечественнике его совсем не тронуло.

– Как зовут тебя? – Казоиру понравилось, что Арс держался уверенно, не метал взгляды по сторонам, смотрел только перед собой, будучи безразличным к окружающей его обстановке, а, услышав вопрос, мгновенно переключился на спросившего.

– Арс, – коротко ответил молодой галл.

– Арс – это имя, данное тебе матерью?

– Да.

– Какое имя тебе дало племя?

– Оилилл.

– Меня зовут Казоир. Уверен, ты знаешь, что это означает «воин». Нашего хозяина зовут Кезон.

Казоир повернулся к Кезону:

– Его зовут Эльфо. Думаю, это всё, что вам нужно о нём знать, – Казоир умышленно перевёл имя юноши на язык римлян, хотя его самого именовали только по-галльски.

– Он действительно похож на эльфа-переростка, – Кезон рассмеялся и вслед за ним рассмеялись все присутствующие. – С этого момента мы все зовём его Эльфо. Запомнили? Этого парня зовут Эльфо! – он повысил голос, чтобы его услышали остальные гладиаторы школы, собравшиеся к этому времени поглазеть на происходящее.

– Да, хозяин, – раздался в ответ нестройный гул безразличных голосов. Похоже, что никого из гладиаторов не интересовало имя новичка. И впрямь, какой смысл утруждать свою память хранением новой информации, ведь вполне возможно, что уже завтра новичок умрёт на арене.

– Спроси его, владеет ли он мечом, – Кезон снова переключился на Казоира.

– Все галлы владеют мечом, – напыщенно произнёс Казоир.

– Я же велел спросить его, – Кезон недовольно нахмурил брови.

Никто из окружающих не понял, что спросил Казоир у новичка, но вопрос развеселил молодого галла. Не сдерживая улыбки, Арс что-то ответил Казоиру. Тот рассмеялся в полный голос. Он явно был доволен ответом земляка.

– Он сказал, что даже деревянным мечом вскрыет любое железное ведро, надеваемое римскими солдатами на себя в качестве доспехов.

Ответ жутко разозлил Кезона. Он побагровел, но от брани удержался.

– Я предоставляю ему такую возможность. Завтра. Ты слышал, Кастул, как отозвался о римлянах этот сопляк? Завтра главный бой на арене ты проведёшь с ним. В полной экипировке римского легионера. И пускай тебя не смущает, что у щенка в руке будет только деревянный меч. Эльфы бессмертны. Вот пусть и докажет, что он действительно эльф, – Кезон злорадно хохотнул.

– Я понял тебя, хозяин, – Кастул лениво развернулся и неторопливой походкой направился в гладиаторскую казарму.

– Устрой его на ночь и подготовь к завтрашнему представлению, – бросил Кезон через плечо своему помощнику и ушёл с тренировочной площадки...

Вся семья сидела на кухне.

– Ты в курсе, что твои дети чуть не сожгли сарай, в котором хранятся дрова для камина? – жена внешне была спокойной, но всё же я видел, какие бури резвятся в её душе. – Они же могли сами сгореть!

Я только что приехал с работы, а жена минутами раньше вернулась с рынка. Это значит, что дети два часа бедокурили без присмотра. Думаю, что жена успела высказать им всё, что было необходимо и неотложную помощь оказать тоже. Я посмотрел на детей. Арсений нисколько не чувствовал себя виноватым, а вот Евгений сидел понуриив голову, с перевязанной рукой и заплаканным лицом со следами сажи.

– Вообще-то, это ты виноват, – заявила мне жена. Ей хотелось до конца выплеснуть свои эмоции и лучшей мишени для этого, чем я быть не могло.

– Я?

– Ты, ты! Это с помощью твоей ветоши они пытались сделать поджог.

– Каким образом? – во мне проснулось любопытство.

– А ты у них спроси.

– Слушаю вас, молодые люди, – обратился я к детям.

– Я уже говорил и повторяю ещё раз, что я ни в чём не виноват. Я был наверху и рисовал, – возмущённо заявил Арся.

– Ты старший и в наше отсутствие отвечаешь за младшего брата, а также за его поступки. Мы вроде об этом уже говорили? – погасила его возмущение жена.

Я уселся за стол напротив Женьки.

– Рассказывай, приятель.

– Тряпка висела на гвозде и сама загорелась, – пробубнил мой младший сын.

– А гвоздь где был? В стене?

– Ага.

– А тряпка изначально в гараже?

– Ага.

– И как она оказалась на гвозде? Да и откуда появился в стене этот гвоздь?

– Я забил и повесил.

– Почему же она загорелась?

– Не знаю. Сама вспыхнула.

Вот такой у меня немногословный младший сын. Каждый раз приходилось прилагать некоторое усилие, чтобы получить от него необходимую информацию. Если он считал, что ответ на вопрос очевиден и лежит на поверхности, его молчание было непоколебимым.

В процессе «допроса» я выяснил, что от скуки Женька решил выплавить себе новую игрушку, вылив расплавленную пластмассу в резинового зайца, которому он предварительно обрезал нижнюю часть со свистком. Для этого недалеко от сарая Женька развёл костер и соорудил импровизированный очаг из кусков кирпича, найденных за гаражом. На кирпичи он поставил большую консервную банку из-под солидола и набил её старыми поломанными пластмассовыми игрушками, предварительно измельчив их молотком. Для того, чтобы снять банку, когда её содержимое расплавится, и при этом не обжечься, он сначала хотел использовать кухонное полотенце, но, зайдя на кухню и взглянув на него, понял, что вымажет полотенце в сажу и тогда порки ему точно не избежать. Подумав немного, Женька не нашёл ничего лучшего, как вытащить из ящика для ветоши, стоявшего в гараже, большую промасленную тряпку.

Вот тут и появился гвоздь в стене сарая – единственного сооружения во дворе, сложенного из брёвен, а не из кирпича, ведь нужно же было на что-то повесить тряпку, чтобы она была под рукой, благо молотком он управлялся неплохо. К несчастью и вполне закономерно, процесс изготовления игрушки пошёл не так, как запланировал Женька. В определённый момент содержимое банки из-под солидола, достигнув необходимой температуры, вспыхнуло. Женька метнулся к тряпке, чтобы с её помощью снять горячую банку и спасти материал для будущего зайца от уничтожения, но зацепил в спешке кирпич ногой и опрокинул

расплавленную массу в огонь. Пламя, получив большую порцию благодатной пищи, разгорелось с новой силой, а от увеличившейся температуры нагретая солнцем и костром промасленная тряпка вспыхнула гигантским факелом.

Спасая положение, Женька сорвал тряпку с гвоздя и начал трясти ею, чтобы сбить пламя, но, вместо того, чтобы погаснуть, пылающая тряпка, словно живая, обмотала ему руку по локоть. На его счастье, Женька был без майки, в одних шортах и отделался только ожогами руки, а не вспыхнул сам. Вовремя подоспевшая с рынка жена успела схватить сына в охапку, бросилась к бочке с дождевой водой, что стояла на углу сарая, и целиком затолкала в неё сына, так как с испугу ей показалось, что пламя объяло Женьку с головы до ног.

К удивлению всех и в первую очередь самого виновника происшествия, Женька отделался лёгкими ожогами правого предплечья. Ожоги были настолько незначительными, что перепуганная жена даже не вызвала скорую помощь, а сама наложила на ожоги тампоны пропитанные облепиховым маслом и забинтовала руку, отчего забинтованная рука смотрелась намного ужасней, чем до наложения бинтов. В этот момент появился я.

Дошла очередь до Арсена.

– Мама права, говоря, что ты в ответе за поступки брата, когда вы дома одни. Мне кажется, что я разговаривал с тобой на эту тему после того, как мы переехали в этот дом и отказались от услуг няни. Ты уже почти совершеннолетний по законам Римской Республики, – я улыбнулся сыну, но моя улыбка не убрала хмурого выражения с его лица.

– А у галлов в семнадцать лет наступало частичное совершеннолетие, а полное, как у викингов и спартанцев, только в двадцать, – угрюмо произнёс Арся.

– Ты забываешь, сын, что Галлия при Цезаре стала частью Римской Республики, поэтому, на неё распространялись римские законы, – я был доволен, что Арсений самостоятельно искал дополнительные сведения по Риму и Галлии, ведь это означало, что его тронула моя история про двух братьев. Однако, в силу серьёзности разговора, я, конечно же, не подал виду.

– Всё равно я ещё ребёнок! – Арсений ещё больше надул губы.

– Ты, безусловно, ребёнок, но ты вместе с тем старший брат и старший сын. Как старший, ты являешься главой дома в наше отсутствие, поэтому часть наших обязанностей по присмотру за Женькой автоматически перетекают на тебя. Надеюсь, что ты наконец поймёшь это, тогда мы сможем и дальше оставлять вас дома вдвоём. В противном случае маме, когда она снова соберётся на рынок и в магазин, придётся брать вас с собой. А это, как ты знаешь, далеко не весело.

– Хорошо, па, но ты и Геньчика отчитай, чтобы помнил.

– Обязательно, сын...

Школа Кезона была первой гладиаторской школой, появившейся в Риме. Она была основана его предком и с тех пор передавалась по наследству старшему из сыновей. Кезон, несмотря на свою прижимистость, был заботливым и рачительным хозяином и никогда не экономил на своих бойцах. Гладиаторы, чувствуя его внимание и заботу, относились к Кезону с уважением. Им даже не приходило в голову, что они для Кезона были имуществом, с помощью которого он извлекал для себя пользу и прибыль. Кезон заботился о гладиаторах так же, как хороший продавец заботится о прилавке, а хороший цирюльник о бритве и ножницах. На Арса он смотрел так же, несмотря на то, что мальчишка достался ему бесплатно, да ещё с указанием дать ему умереть как можно быстрее. Невзирая на дерзость и женственность не знавшего бритвы лица, этот молодой галл понравился Кезону. Он видел в нём потенциал, и ему совсем не хотелось с ним расставаться, не получив от него максимальной выгоды.

Ближе к вечеру Кезон позвал к себе Кастула:

– Постарайся не калечить мальчишку. Накажи его за дерзость, отшлёпай плашмя мечом, а поиграв с ним какое-то время, выруби ударом по голове. Я договорюсь со своими друзьями, чтобы они первыми подняли большой палец вверх, а там, хвала Юпитеру, и остальные зрители сделают так же. Жалко мальчика, хоть он и глупый хвастун.

– Буду бить плашмя, но учти, Кезон, что я уважаю своих зрителей и даже в этом случае устрою для них настоящий бой, бой без подвоха. Не обессудь, если я сломаю ему ногу или руку. А может и то, и другое, – про себя Кастул давно решил спуску новичку не давать и как следует наказать его за необдуманное высказывание. – Убить не убью, но проучу хорошенько.

– Ладно, ладно. Главное, чтобы был жив и за месяц выздоровел, – Кастул похлопал любимца по плечу, – можешь идти готовиться к завтрашнему поединку.

Рим впечатлил Арса именно сегодня, когда он шёл по нему в толпе гладиаторов к Арене. Все предыдущие дни были смазаны в его памяти, к тому же, узкие улицы с низкими невзрачными домами, виденные им по дороге из барака и тюрьмы в гладиаторскую школу, никого не смогли бы впечатлить. Сегодня вид двухэтажных домов и вилл, а также огромное количество памятников, стел и обелисков, поражали Арса, заставляя постоянно крутить головой.

Рим того времени в основном был одноэтажным, по грязным, без названий, улицам которого постоянно сновал народ, лишь застройки городского центра изобиловали двухэтажными зданиями. Двигаясь по величественному городу в толпе гладиаторов, Арс обратил внимание на то, что вельможи перемещались по улицам, восседая на носилках, несомых рабами. Этот факт также поразил его. Для себя Арс решил, что такой способ передвижения говорит не столько о благополучии этих людей, сколько об уверенности, что им не придётся брать в руки оружие, чтобы защищать себя. Они как будто знали, что на них никто не нападёт, словно сам город способен оградить горожан от агрессивных врагов, и потому те могли позволить себе быть изнеженными и слабыми.

Арс осматривал город, не переставая удивляться и восхищаться им. Иногда он высказывал вслух свой восторг, вызывая улыбки спутников. Многие из них, глядя на восторженного юношу, невольно вспоминали себя в его возрасте. В это время по соседней улице на плечах четырёх рабов плыли над мостовой носилки, с восседавшим на них Геном. Ген, с задумчивым видом сидя на мягкой подушке, направлялся в начальную школу.

Деревянная Арена, находившаяся недалеко от Форума, так же, как и школа Кастула, была первой в Риме. Каменные арены и Колизей будут построены в Риме значительно позже, а сейчас Арс с интересом рассматривал самое большое сооружение, виденное им в своей жизни. Арена использовалась для представлений каждый день. В будние дни на ней проходили кулачные бои, чередовавшиеся с выступлениями канатоходцев. Такого рода развлечения были очень популярными среди простого люда, а по праздникам, которых было в каждом месяце года от шести до двенадцати дней, проходили бои гладиаторов, неизменно собиравшие аншлаги. Только в июле был всего один праздник – Нептуналий. Но сейчас стояла весна – пора, насыщенная праздниками, и сегодня

был двадцатый день мая – праздник Кастора и Поллукса, восьмой из одиннадцати праздников этого месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volchek_leonid/el-f

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)